

На правах рукописи

ЛЯШЕНКО ДАРЬЯ ИГОРЕВНА

**ИДЕНТИФИКАЦИЯ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ:
ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И КОРПУСНЫЙ ПОДХОДЫ**

Специальность – 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ростов-на-Дону – 2026

Работа выполнена на кафедре теории языка и русского языка
Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Научный руководитель: **Меликян Вадим Юрьевич**
доктор филологических наук, профессор
ФГАОУ ВО «Южный федеральный
университет» / кафедра теории языка и
русского языка, зав. кафедрой

Официальные оппоненты: **Галяшина Елена Игоревна**
доктор филологических наук, доктор
юридических наук, профессор
ФГАОУ ВО «Московский
государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)» / кафедра криминалистики, зав.
кафедрой

Копнина Галина Анатольевна
доктор филологических наук, доцент
ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный
университет» / кафедра журналистики и
медиалингвистики, зав. кафедрой

Защита состоится «26» июня 2026 г. в 11.00 часов на заседании диссертационного совета ЮФУ801.03.19 при ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» по адресу: 344006, ЮФО, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, а. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Южного федерального университета по адресу: г. Ростов-на-Дону, ул. Зорге, д. 21Ж, 2 этаж, и на сайте Южного федерального университета по адресу: <https://hub.sfedu.ru/diss/show/1348593/>

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Отзыв (с указанием ФИО (полностью), ученой степени со специальностью, звания, организации, подразделения, должности, адреса, телефона, e-mail, даты) с заверенной подписью рецензента и печатью учреждения просим направлять в 2 экз. ученому секретарю диссертационного совета ЮФУ801.03.19 по адресу: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, а также в формате pdf – на e-mail: tvovsienko@sfedu.ru.

Ученый секретарь
диссертационного совета ЮФУ801.03.19
кандидат филологических наук, доцент

Овсиенко Татьяна Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современном постиндустриальном обществе значительная часть коммуникации происходит в Интернете. При этом официальные СМИ, а также социальные сети и мессенджеры, выступающие как платформы для межличностного взаимодействия, становятся основными трансляторами информации. Подобные процессы сопровождаются гонкой за сенсацией – эксклюзивными сведениями – и потенциальной аудиторией, что вынуждает журналистов бороться за внимание реципиентов. Таким образом новости становятся инструментом влияния и пропаганды, эффективным средством манипуляции, позволяющим охватить значительное количество читателей / слушателей в течение относительно небольшого периода времени. Реализуя речевое воздействие, подобные сообщения частично или полностью трансформируют картину мира адресата, затрагивая эмоциональную, когнитивную и поведенческую сферы. Все это нередко сопровождается превышением допустимой меры воздействия, искажением фактов для достижения целей коммуникатора, что обуславливает эффективность и широкое распространение формата фейковых новостей.

Будучи своего рода симулякром (Бодрийяр, 2015), фейк подменяет действительность, ее отдельные фрагменты и характеристики мнимыми, направленными на дискредитацию предмета речи или побуждение к совершению противоправных действий. Данные факторы делают фейк и фейковые новости (одну из наиболее распространенных форм его реализации) объектом исследования ряда дисциплин: философии, психологии, политологии, юриспруденции, лингвистики и пр. Две последние отрасли научного знания определяют прагматическую специфику рассматриваемого феномена и закрепляют его положение на стыке указанных предметных областей, что ведет к необходимости анализа недостоверных сообщений с позиции юридической лингвистики. Именно юрислингвистика позволяет более точно установить лингвистический статус фейка, его дифференциальные и интегральные признаки, отграничивающие от смежных явлений, а также разработать методологию противодействия распространению дезинформации.

Деструктивный коммуникативный потенциал анализируемого феномена нуждается в выявлении и пресечении, что ведет к возникновению специального законодательства, ориентированного на борьбу с недостоверными сообщениями.

С этой целью в марте 2019 года Государственная Дума Российской Федерации приняла поправки к Федеральному закону от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в котором установлено наказание за создание и распространение фейков, а также представлен алгоритм ликвидации фальшивок (ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ, ред. от 23.11.2024, ст. 15.3). В то же время в статье 13.15 КоАП (пункты 9-10) уточнено содержание понятия «фейк» и определена мера пресечения за реализацию поддельных сведений в виде административной ответственности и / или штрафа (КоАП, ст. 13.15, 2002).

Еще одно изменение в российском законодательстве, регулирующем распространение фейковых новостей, сопряжено, в первую очередь, с эскалацией конфликта на Украине. В этой связи Государственная Дума Российской Федерации приняла Федеральный закон от 4 марта 2022 года № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», предполагающий уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации о действиях российской армии (ФЗ от 04.03.2022 № 32-ФЗ, 2022). Прочее законодательство в указанной сфере закрепляет механизм блокировки дезинформации и разного рода санкции (УК РФ, 1996, ст. 207.1, 207.2, 207.3, 280.3; КоАП РФ, 2001, ст. 20.3.3; ФЗ от 04.03.2022 № 32-ФЗ, 2022; ФЗ от 01.04.2020 № 100-ФЗ, 2020; ФЗ от 04.03.2020 № 99-ФЗ, 2020), однако оно четко не параметризует содержательные аспекты анализируемого лингвистического феномена.

В настоящей работе рассматриваются фейки в сфере политического и социального массмедийного дискурса, их типология и категориальные признаки, коммуникативные стратегии и тактики, применяемые при реализации фальшивых сообщений, а также

предпринята попытка корпусного анализа фейковых новостей и предложена система вопросов эксперту-лингвисту для проведения лингвистической экспертизы по делам о фейках. Под массмедийным дискурсом, или медиадискурсом, вслед за Т.Г. Добросклонской мы будем понимать «функционально-обусловленный тип дискурса, <...> совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» (Добросклонская, 2015, 48).

Актуальность настоящего исследования обусловлена, *во-первых*, недостаточной сформированностью теории фейка в рамках современного языкознания, что выражается в наличии множества подходов к установлению сущности анализируемого лингвистического феномена. Все это требует обобщения и систематизации, а также устранения ряда противоречий при определении недостоверного характера материалов. Подобные спорные утверждения обнаруживаются, к примеру, при классификации фейков и выделении фейков-ошибок (Брусенская, Куликова, 2018, 104-105; Джазоян, 2014, 95), возникающих вследствие недостаточной верификации со стороны журналиста и спешки коммуникатора. Такой подход противоречит российскому законодательству и требует тщательной доработки, вычленения строго регламентированных категориальных признаков фейка и его разновидностей, подчеркивая актуальность настоящего исследования. *Во-вторых*, наличие видов речевого воздействия, сходных по своему деструктивному потенциалу и характеру суггестии с фейком, обуславливает необходимость их разграничения, установления интегральных и дифференциальных признаков для определения места фейка в современной прагмалингвистике. *В-третьих*, активное распространение недостоверных материалов в сфере медиа и социальных сетей в XXI веке стало серьезной опасностью, ведущей к информационным войнам, конфликтам разного уровня и масштаба, а также разжиганию межнациональной, межэтнической и межрелигиозной розни. Все это требует разработки методологии идентификации фейка (фейковых новостей) и противодействия ему. При этом под идентификацией фейка в рамках настоящего исследования понимается процесс проверки и распознавания заведомо недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений. В этой связи первостепенной задачей представляется выявление идентификаторов анализируемого феномена – «признаков, служащих для идентификации распознаваемого предмета» (Толковый словарь государственного языка Российской Федерации, 2025, 440). Составной термин «идентификация фейка» все более активно используется в современном отечественном языкознании (Зуйкина, Соколова, 2021; Ильченко, 2018; Казун, 2020; Пром, 2022; Тумбинская, Галиев, 2023; Шестерина, 2021 и др.), что подчеркивает актуальность рассматриваемой проблематики.

Степень разработанности проблемы. Феномен «фейк» стал активно изучаться в рамках современного языкознания в течение последнего десятилетия. Растущий исследовательский интерес свидетельствует об актуальности данного объекта лингвистических изысканий, однако следует принимать во внимание тот факт, что ранние работы в указанной отрасли были посвящены исключительно установлению сущности понятий «фейк» и «фейковые новости» (Джазоян, 2014; Носовец, 2019; Панченко, 2013; Синельникова, 2014; Тагильцева, 2014 и др.), а также их классификации (Джазоян, 2014; Суходолов, 2017; Суходолов, Бычкова, 2017). В этом отношении наиболее релевантными представляются исследования О.С. Иссерс (Иссерс, 2014, 2015) и С.Н. Ильченко (Ильченко, 2015, 2016, 2018, 2019), отмечающие коммуникативную специфику «подделки». Однако в данных работах не установлены категориальные признаки фейковых новостей и не осуществлено их отграничение от смежных феноменов. Эти задачи решались в последующих трудах, посвященных выявлению характеристик и маркеров фейка (Галяшина, 2021; Галяшина, Богатырев, 2023; Галяшина и др., 2025; Кошкарлова, 2020; Николаева, 2019; Стернин, Шестерина, 2021; Шестерина, 2022 и др.), специфики его деструктивного потенциала (Казун, 2020, 2025) и разработке методики фактчекинга (Зырянова, 2020; Май, 2023; Соколова, 2018) и лингвистической экспертизы по делам о фейках (Галяшина, 2019,

2025; Кузнецов, 2022). Прочие исследования носят фрагментарный характер и охватывают, как правило, один или несколько аспектов изучения анализируемого явления (Брусенская, Куликова, 2018; Гаврикова, 2019; Мазикова, Пашкова, 2022; Манойло, 2019; Пром, 2022; Сегал и др., 2022; Харламова, Полев, 2022 и др.).

В англоязычном научном дискурсе, в первую очередь, подчеркивается метапредметный статус фейка (Allcott, Gentzkow, 2017; Lazer, 2018; Tandoc et al., 2018; Wang, 2020), в отличие от рассмотрения его сквозь призму юридической лингвистики и прагмалингвистики в отечественном языкознании. Сходным является установление преднамеренного характера искажения фактов и заведомой интенциональности, отмеченной в работах Х. Оллкоута и М. Гентскова (Allcott, Gentzkow, 2017). Примечательно, что в зарубежной лингвистике концепция фейка расширяет рамки содержания понятия «фейк», включая сфабрикованные материалы юмористического толка. В то же время в англоязычном дискурсе в качестве перспективного направления исследования дезинформации рассматривается привлечение больших языковых моделей (Papageorgiou et al., 2024; Taboada, 2025) и инструментов компьютерной (Balshetwar, Radhakrishnan, Railis, 2023; Dev et al., 2024; Zhang et al., 2023) и корпусной лингвистики (Pöldvere, Uddin, Thomas, 2023; Raman et al., 2024; Sousa-Silva, 2022) для верификации выводов, полученных в результате сравнительного анализа. Всё это позволяет сделать вывод о недостаточной сформированности современной теории фейка.

Объект исследования – фейк как лингвистический феномен. Следует отметить, что в настоящем исследовании термин «фейк» используется в двух значениях, *во-первых*, для обозначения отдельного вида речевого воздействия, *во-вторых*, в качестве синонима к термину «фейковые новости» для упрощения метаязыка работы в тех случаях, где это не влияет на корректную интерпретацию авторской научной концепции.

Предмет исследования – лингвистический статус феномена «фейк», его категориальные признаки, типология и особенности реализации в медиадискурсе.

Целью настоящего исследования является разработка методологии исследования фейковых новостей в юрислингвистическом и корпусном аспектах.

Поставленная цель определяет необходимость решения следующих **задач**:

- 1) уточнить понятия «фейк» и «фейковые новости»; отграничить фейк от смежных явлений, выявить их интегральные и дифференциальные признаки; обосновать статус фейка как отдельного вида речевого воздействия;
- 2) описать источники конфликтогенности в когнитивной модели фейка и их дискурсивные параметры;
- 3) исследовать особенности функционирования коммуникативных стратегий и тактик в фейковых новостях в рамках медиадискурса;
- 4) верифицировать лингвистическую интерпретацию фейка посредством корпусного подхода;
- 5) осуществить юрислингвистическую параметризацию фейка: описать фейк в системе норм права, разработать методологию противодействия фейку, в том числе лингвистической экспертизы (методы, приемы, вопросы эксперту-лингвисту и пр.); выявить лингвистические признаки маскировки информации.

Гипотеза исследования. Верификация фейковых новостей крайне затруднена, т.к. фейк маскируется под обычный публицистический текст. В этой связи отсутствуют признаки, по которым данное явление можно было бы однозначно идентифицировать. Суть гипотезы заключается в том, что возможно формирование набора лингвистических маркеров, позволяющих устанавливать фейковый характер новостного контента более определенно. Этого должно быть достаточно в рамках применения машинных способов обработки новостного контента для отбора потенциально недостоверных новостей с целью их последующей «ручной» окончательной идентификации. В этой связи предполагается установить лингвистическую специфику фейка и впоследствии верифицировать ее на основе корпусного и юрислингвистического подходов.

Теоретико-методологической основой исследования послужили труды российских и зарубежных ученых в области:

- *юрислингвистики* (А.Н. Баранов, 2011, 2018, 2023; К.И. Бринев, 2013; Е.И. Галяшина, 2025; Е.И. Галяшина и др., 2024; Н.Д. Голев, 2002; В.И. Жельвис, 1997, 2011; В.О. Кузнецов, 2022; В.Ю. Меликян, 2012, 2013, 2015, 2019; В.Ю. Меликян, В.В. Посиделова, 2017; О.Н. Матвеева, 2005; Л.М. Месропян, 2014, 2017, 2018);
- *риторики и теории аргументации* (Г.А. Брутян, 1992; Е.В. Ключев, 2002; А.П. Сквородников, 2024; Ю.В. Рождественский, 1999);
- *теории коммуникации и теории речевого воздействия* (А.Н. Баранов, 2018; Т.А. Ван Дейк, 1989; А.В. Голоднов, 2009, 2010; О.С. Иссерс, 2008; Г.А. Копнина, 2008; А.А. Леонтьев, 1968; И.А. Стернин, 2001, 2012; В.А. Трофимова, 2021, 2022, 2024; Е.И. Шейгал, 2000; Е.В. Шелестюк, 2014; Н.Р. Grice, 1975; G.N. Leech, 1983);
- *теории дискурса* (Т.А. Ван Дейк, 1989, 1998; В.З. Демьянков, 1995; В.И. Карасик, 2021; М.Л. Макаров, 2003);
- *теории и практики журналистики* (А.В. Байчик, 2020; С.М. Виноградова, 2025; Н.Н. Вольская, 2018; А.А. Калмыков, 2022; Г.В. Лазутина, 2018; Б.Н. Лозовский, 2011; Г.С. Мельник, 2012; С.Б. Никонов, 2023; С.А. Шомова, 2013).

Частнолингвистическую методологическую основу составляют:

- работы по *прагмалингвистике* (Ю.Д. Апресян, 1988, 1995; Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева, 1985; А.А. Бернацкая и др., 2020; И.В. Евсеева, Г.А. Копнина, 2024; А.В. Ленец, 2013; Г.Г. Матвеева, 2009; К.Ф. Седов, 2011; Дж. Остин, 1999; Н.И. Формановская, 2002);
- исследования по *когнитивной лингвистике* (И.В. Демидов, 2000; В.И. Заботкина, 2024; В.И. Заботкина, Е.М. Позднякова, 2025; В.П. Шейнов, 2010; D. Kahneman, 2011; J.R. Searle, 1999; С.Р. Sunstein, 2009);
- разработки в области анализа *категорий определенности – неопределенности и интенсивности* (В. Гладров, 1992; В.В. Казаковская, Н.К. Онииенко, 2020; А.Б. Лихачева, 2012; Т.Н. Николаева, 1979; И.И. Туранский, 1990; Я.О. Уляшева, 2006);
- основные положения научных изысканий, посвященных *коммуникативным стратегиям и тактикам в медиадискурсе* (Е.М. Верещагин, 1991, 1992; О.С. Иссерс, 2008; Н.Н. Кириллова, 2012; Н.Б. Руженцева, 2004).

Для решения поставленных задач использовались методы дефиниционного и сравнительно-сопоставительного анализа, описательный метод, метод анализа дифференциальных признаков, методы классификации и систематизации, а также методы когнитивного, функционального и коммуникативного анализа. Для установления степени валидности результатов исследования также привлекались технологии корпусной лингвистики и метод количественного анализа.

Материалом исследования послужили фейковые и достоверные новости 2014-2024 годов, размещенные на Интернет-страницах русскоязычных СМИ, в мессенджерах и социальных сетях, а также электронной версии портала просветительского проекта «Лапша Медиа» (<https://lapsha.media/>), направленного на выявление, проверку и маркировку недостоверных медиатекстов. Указанный временной промежуток обеспечивает репрезентативность эмпирического материала настоящего исследования и позволяет установить сформировавшиеся за десятилетний срок в современном медиадискурсе лингвистические и коммуникативно-функциональные характеристики фейковых новостей. Всего было рассмотрено более 1000 недостоверных новостей, для сопоставительного и корпусного анализа составлена smart-выборка общим объемом 200 текстов (100 фейков и 100 «нефейков», 16479 и 17406 слов соответственно), что позволило верифицировать основные результаты работы. Каждый из фейковых медиатекстов имеет официально опубликованное опровержение или в этом же источнике, или в других СМИ. Полученные результаты впоследствии были соотнесены с данными газетного подкорпуса Национального корпуса

русского языка объемом 1239597 текстов (253043491 слово), ограниченного по временному промежутку 2014-2021 гг.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Фейк – вид некорректного (деструктивного) речевого воздействия, предполагающий репрезентацию заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, несущий существенную угрозу причинения вреда предмету и адресату фейка, характеризующийся имплицитной интенцией, трансформацией когнитивной и эмоциональной сфер адресата и обладающий краткосрочной деструктивной коммуникативной перспективой. К категориальным признакам фейка также относится наличие маркеров «неопределенности» и «интенсивности», а также небольшой период функционирования.

Фейк следует отграничивать от других видов речевого воздействия. От аргументации он отличается имплицитным характером интенции и наличием пафоса в структуре речевой модели воздействия; от убеждения – имплицитным характером интенции и деструктивной коммуникативной направленностью; от коммуникативного давления – недостоверным характером сообщаемых сведений, имплицитной формой воздействия; от манипуляции – спецификой структуры когнитивной модели: манипуляция реализует модель усложненного логоса (двухступенчатую когнитивную модель: установление когнитивного диссонанса и его снятие), фейк – простую одноступенчатую модель логоса.

Фейковые новости представляют собой специфическую наиболее распространенную дискурсивную форму проявления анализируемого лингвистического феномена.

2. Основным источником конфликтогенности фейка выступает нарушение законов формальной логики, которое способствует интенсификации речевого воздействия и указывает на отсутствие достоверной информации у оппонента и наличие скрытой коммуникативной стратегии конфронтационного типа. Чаще всего фейк строится на нарушении закона тождества, предполагающего подмену истинного факта ложным, реже – на нарушении закона противоречия, при котором соотносится несоотносимое, еще реже – на нарушении закона достаточно основания. Именно несоблюдение причинно-следственной связи в рамках высказывания становится наиболее ярким инструментом реализации воздействия. Нарушение закона исключенного третьего в фейках отсутствует, что связано с необходимостью маскировки подделки под «настоящую» новость.

3. Специфика функционирования фейковых новостей в медиадискурсе заключается в реализации двух стратегий одновременно: открытой, но ложной и скрытой, но истинной. Первая из них – информирование – позволяет замаскировать искажение фактов, в то время как вторая стратегия имеет конфронтационную направленность. Наиболее продуктивными для фейка являются стратегии дискредитации, самопрезентации, призыва и угрозы. Они представлены такими тактиками, как анализ-минус, очернение, обвинение, презентация, побуждение, кооперация и отвод критики.

4. Корпусная диагностика недостоверных новостей позволяет верифицировать лингвистические параметры фейка на основе анализа частотности языковых единиц и контекстов, установить дискурсивные характеристики недостоверных медиатекстов. Сопоставительный анализ авторских корпусов фейковых и достоверных новостей и текстов газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка обеспечивает повышение степени валидности результатов исследования.

5. Первичная юридикация фейковых новостей опирается на правовую интерпретацию конфликтных текстов. Лингвистические признаки маскировки «заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений» включают в себя лексико-семантические маркеры (многократное введение семы «неопределенности», элиминацию значимых деталей, использование эвфемизмов, нарушение максимы количества), грамматические маркеры (неполные предложения, предложения с неопределенным субъектом действия (неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные), перегруженность предложений с точки зрения грамматической организации) и коммуникативные маркеры

(отсутствие источника информации, эксплицитный призыв к совершению действия в интересах коммуникатора). К экстралингвистическим признакам относится сфера функционирования сообщения (медиадискурс), анонимность автора, анонимность, неавторитетность и неверифицируемость Интернет-ресурса, высокая скорость распространения информации.

Научная новизна работы. В исследовании применен комбинированный подход – в первую очередь, лингвистический, который был верифицирован через использование корпусного и юрислингвистического подходов; установлен лингвистический статус феномена «фейк» как самостоятельного вида речевого воздействия; уточнено определение рассматриваемого явления с учетом выделенных категориальных признаков; выявлены дифференциальные признаки, позволяющие отграничить фейк от прочих видов речевого воздействия (аргументации, убеждения, коммуникативного давления, манипуляции); разработана типология фейковых новостей; предложены рекомендации по идентификации фейка, противодействию распространению фейковых новостей; обоснована и впервые описана особая роль категорий неопределенности и интенсивности в недостоверных медиатекстах и доказан синергетический эффект указанных категорий при функционировании фейка, а также продуктивность средств их репрезентации в недостоверных медиатекстах.

Теоретическая значимость. В диссертационном исследовании заложены основы методологии юрислингвистического исследования фейка. Его результаты способствуют дальнейшему развитию теории речевого воздействия, юридической, коммуникативной и прагматической лингвистики; позволяют уточнить определение фейка, построить системную типологию фейковых новостей, расширить представление о когнитивной и речевой моделях анализируемого феномена. Помимо этого, в работе предпринимается попытка научно обосновать лингвистический статус фейка как самостоятельного вида речевого воздействия.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования его результатов при разработке учебных курсов, пособий и методических материалов по юридической лингвистике, лингвокриминалистике, стилистике, риторике, теории языка и смежным дисциплинам. Теоретические положения о лингвистических, экстралингвистических и дискурсивных характеристиках фейка послужили основой для разработки оригинальной системы вопросов для эксперта-лингвиста. Кроме того, в исследовании предложены рекомендации по выявлению фейка и противодействию распространению фейковых новостей. На основе примененного юрислингвистического подхода к идентификации недостоверных медиатекстов возможна разработка программного обеспечения для автоматизации процесса поиска фейковых новостей для Роскомнадзора, а также для нужд судебной лингвистической экспертизы продукции массмедиа. Кроме того, использование материалов настоящего исследования представляется возможным для изучения специалистами в сфере медиа с целью обеспечения соблюдения норм журналистской этики.

Личный вклад диссертанта заключается в:

- 1) уточнении содержания понятия «фейк» и расширении его определения с учетом действующих норм законодательства и категориальных лингвистических признаков;
- 2) анализе структуры речевой и когнитивной модели фейковых новостей и установлении источников их деструктивности;
- 3) выявлении языковых средств репрезентации категорий неопределенности и интенсивности и средств маскировки недостоверной информации;
- 4) разработке оригинальной системы вопросов эксперту-лингвисту по делам о фейках.

Степень достоверности настоящего исследования обеспечивается системным подходом к рассмотрению фейковых материалов, тщательным отбором и анализом достаточного массива данных на основе авторских корпусов и газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка, теоретико-методологическим обоснованием

выдвинутых теоретических положений, а также привлечением совокупности общенаучных и частных методов, обусловленных спецификой объекта, предмета и цели исследования.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Настоящая диссертация посвящена установлению сущности фейка как отдельного вида речевого воздействия (соответствие п. 25), его категориальных признаков в рамках функционирования в медиадискурсе (соответствие п. 9). Возможность использования поликодового текста (соответствие п. 11) – вербального и креолизованного – определяет успешность реализации недостоверных материалов. Для проверки результатов исследования и достижения достоверности полученных выводов используются статистический (соответствие п. 21) и корпусный подходы (соответствие п. 23), что позволяет повысить степень валидности данных. Предложенная в работе оригинальная система вопросов эксперту-лингвисту для проведения лингвистической экспертизы по делам о фейках является логическим заключением настоящего исследования, учитывающим комплексный подход к изучению фейковых материалов (соответствие п. 26). В целом результаты представленных научных изысканий могут быть использованы в дальнейшем для разработки компьютерной программы, направленной на автоматизированную идентификацию недостоверных текстов (соответствие п. 22).

Апробация диссертации. Основные положения работы и результаты исследования были представлены на научных мероприятиях и научно-практических конференциях различного уровня, таких как: Международная научно-практическая конференция «Социально-гуманитарные тенденции: история и современность» (г. Москва, Научно-исследовательский центр «Антровита», 2018), VIII Всероссийская научно-практическая конференция «Язык и право: актуальные вопросы взаимодействия» (г. Ростов-на-Дону, ЮФУ, 2018), IX Всероссийская научно-практическая конференция «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» (г. Ростов-на-Дону, ЮФУ, 2019), X Всероссийская научно-практическая конференция «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» (г. Ростов-на-Дону, ЮФУ, 2020), Международная научная конференция «Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа» (г. Москва, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2021), круглый стол «Юридическая лингвистика: актуальные вопросы и перспективы развития» (г. Ростов-на-Дону, РПА Минюста России, 2021), IV Международная научно-практическая конференция «Медиа-2024: теория и практика» (г. Москва, МПГУ, 2024), XXXVI Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы иноязычной филологии, переводоведения и лингводидактики в контексте межкультурного взаимодействия» (г. Чебоксары, ЧГПУ им. Я.И. Яковлева, 2024), IV Международная научно-практическая конференция «Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов: Языковой капитал в структуре человеческого и культурного капитала» (г. Москва, ИНИОН РАН, 2024), V Международная научно-практическая конференция «Медиа-2025: теория и практика» (г. Москва, МПГУ, 2025), IV Международная научно-практическая конференция «Новые тренды журналистики и массовых коммуникаций» (г. Москва, РГГУ, 2025), XXXIX Международная научно-практическая конференция «Основные тенденции и перспективы развития современной иноязычной филологии, лингводидактики и переводоведения» (г. Чебоксары, ЧГПУ им. Я.И. Яковлева, 2025), VI Международная научно-практическая конференция «Медиа-2026: теория и практика» (г. Москва, МПГУ, 2026), Студенческая научная конференция «Неделя науки» (г. Ростов-на-Дону, ЮФУ, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023), Научная студенческая конференция «Неделя науки ИФиСПН ЮФУ - 2024» (г. Ростов-на-Дону, ЮФУ, 2024 г.).

Теоретические положения и результаты настоящего исследования были апробированы в рамках научных обсуждений на кафедре теории языка и русского языка Южного федерального университета и при проведении занятий по юридической лингвистике и лингвистической экспертизе в рамках ОПОП магистратуры по направлению подготовки 45.04.01 «Филология», профиль «Юридическая лингвистика и безопасная коммуникация». По

материалам диссертации было опубликовано 19 научных статей, из них 6 – в журналах, включенных в перечень ВАК РФ. Личный вклад автора – 10,13 п.л., из них 4,47 п.л. в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

Структура работы. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка научной литературы, Списка нормативно-правовых актов, Списка источников фактического материала и Приложений. Общий объем диссертации – 254 страницы. Основной текст диссертации изложен на 215 страницах. Список научной литературы включает в себя 219 научных трудов, из них 177 на русском и 42 на иностранном языке, список нормативно-правовых актов – 15 источников, список новостных источников – 38 медиатекстов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность избранной тематики исследования; определяется его предмет, объект, цель и задачи; освещается степень разработанности проблемы; устанавливается теоретико-методологическая база и частнолингвистическая методологическая основа; описывается языковой материал; формулируется гипотеза и основные положения, выносимые на защиту; обобщается теоретическая значимость полученных результатов и их практическая ценность; обосновывается степень достоверности и соответствие паспорту научной специальности. В заключительной части данного раздела представлены сведения об апробации основных положений и результатов исследования, а также приводится структура настоящей работы.

В **первой главе «Методологические основы исследования феномена “фейк”»** фейк рассматривается как междисциплинарный феномен; анализируется действующее российское законодательство, квалифицирующее содержание и специфику фейковых материалов, а также правовые санкции в соответствующей сфере; обобщаются различные лингвистические подходы к определению сущности анализируемого феномена, его признаков и типов; систематизируются разнообразные трактовки терминов «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика», а также устанавливаются наиболее частотные конфронтационные коммуникативные тактики в фейковом медиадискурсе.

Фейк представляет собой междисциплинарный феномен. Он является объектом научных изысканий в рамках философии, психологии, социологии, политологии и журналистики, что определяет набор базовых характеристик и различные основания подходов к его толкованию: философский базис, наличие / отсутствие когнитивных искажений, интенциональность и ответственность коммуникатора за распространение дезинформации. При этом интегральными признаками фейка в рассмотренных трактовках выступают деструктивный компонент воздействия и недостоверный характер сведений.

Предпосылкой возникновения фальшивых сообщений явились события на политической арене, давшие значительное количество инфоповодов. Для русскоязычного медиадискурса таковой стала эскалация конфликта между Россией и Украиной в 2014 г., а для англоязычного – предвыборная кампания Д. Трампа в 2016 г. В свою очередь, интенсивное развитие фейков, расширение аудитории СМИ и потенциальные негативные последствия тиражирования данных, не соответствующих действительности, привели к необходимости разработки способов борьбы с «подделками». В этой связи в России была создана развернутая система нормативно-правовых актов, в которых зафиксированы такие значимые характеристики недостоверных материалов, как «общественно значимый» и «заведомо недостоверный» (Ляшенко, 2024, 2745), а также определен вид ответственности за распространение дезинформации в зависимости от тяжести последствий.

Рассмотрение фейка в лингвистическом аспекте показало отсутствие единой версии происхождения лексемы *fake*. Так, она могла возникнуть в рамках лондонского уголовного жаргона (Harper, 2001; Liberman, Mitchell, 2008) или стать результатом семантической трансформации немецкого глагола *fegen* в разговорном стиле: “*polish, sweep*”// «полировать, подметать» – “*to clear out, plunder*” («очищать, грабить») (Harper, 2001). При этом в отечественном языкознании исследовательский интерес направлен, в первую очередь, на установление сущности понятий «фейк» и «фейковые новости» (Джазоян, 2014; Ильченко, 2015, 2016; Иссерс, 2014, 2015; Носовец, 2019), их признаков и типов (Галяшина, 2021; Ильченко, 2015, 2016; Иссерс, 2014, 2015; Кошкарлова, 2020; Николаева, 2019; Стернин, Шестерина, 2021; Суходолов), а также на создание методики лингвистической экспертизы по делам о фейках (Галяшина, 2019; Кузнецов; 2022). Особое внимание уделяется разработке классификации фейков на основе различных критериев (сфера, тематика, формат и пр.), при этом в качестве наиболее распространенной формы реализации указанного вида речевого воздействия предлагается рассматривать фейковые новости. В зарубежной лингвистике подчеркивается метапредметный характер фейка, в то время как перспективным направлением анализа дезинформации выступает привлечение больших языковых моделей

(Papageorgiou, et al., 2024; Taboada, 2025) и инструментов компьютерной (Balshetwar, Radhakrishnan, Railis, 2023; Dev et al., 2024; Zhang et al., 2023) и корпусной лингвистики (Pöldvere, Uddin, Thomas, 2023; Raman et al., 2024; Sousa-Silva, 2022).

В рамках коммуникативного аспекта анализа фейка следует отметить конфронтационную направленность коммуникативных стратегий, что определяется деструктивным характером суггестии. Последняя репрезентируется посредством специфического набора коммуникативных тактик (анализ-минус, обвинение, обличение, очернение и пр.), соотносимых с условиями речевого акта и интенцией коммуникатора, его желанием трансформировать поведение и / или мнение реципиента незаметно для него самого.

Во второй главе **«Феномен «фейк» в системе видов речевого воздействия»** выявляются лингвистические признаки фейка как вида речевого воздействия; уточняется его определение; осуществляется отграничение от смежных феноменов (аргументации, убеждения, коммуникативного давления и манипуляции) на основе их речевой модели; устанавливается специфика когнитивной модели фейка при учете нарушения законов формальной логики как источника деструктивности логоса; анализируются коммуникативные стратегии и тактики, релевантные для фейковых новостей; определяется статус категорий неопределенности и интенсивности как лингвистических маркеров дезинформации, средства их репрезентации и синергетический характер взаимодействия в недостоверных материалах.

Фейк является видом некорректного (деструктивного) речевого воздействия, предполагающим репрезентацию заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, несущих существенную угрозу причинения вреда предмету и адресату фейка, характеризующимся имплицитной интенцией, трансформацией когнитивной и эмоциональной сфер адресата и обладающим краткосрочной деструктивной коммуникативной перспективой. Подобный подход к определению сущности указанного феномена позволяет принять во внимание как собственно языковые признаки фейка (интенциональность, интенсификацию предмета речи и т.д.), так и юридические – «заведомо недостоверный» и «общественно значимый».

Фейковые новости являются наиболее распространенной формой реализации фейка, представляющей собой не соответствующее объективной реальности поддельное сообщение, распространяющееся в медиадискурсе под видом достоверного. При этом в работе строго оговаривается различие понятий «фейк» и «фейковые новости» и указывается возможность их синонимической замены в тех случаях, когда это не вредит корректной интерпретации авторской концепции. Предложенная в рамках настоящего исследования классификация недостоверных медиатекстов на основе ряда параметров (формат, время появления, предмет речи, сфера функционирования, пространственный уровень охвата информации и цель сообщения) позволяет систематизировать имеющиеся в современном языкознании представления о фейке и концептуализировать его особенности с целью упрощения процесса идентификации «подделок» и противодействия их распространению.

Наличие языковых феноменов, сходных по характеру суггестии с фейком, определяет необходимость их параметризации с учетом специфики речевой модели, состоящей из трех компонентов – логоса, этоса и пафоса. Так, фейк отличается от аргументации наличием пафоса в структуре речевой модели воздействия, от убеждения – имплицитным характером интенции, деструктивной коммуникативной направленностью и принуждением к принятию чужой идеи (Ляшенко, Меликян, 2021, 63), от коммуникативного давления (Трофимова, 2021, 2024; Трофимова, Меликян, 2022) – недостоверным характером сообщаемых сведений, имплицитной формой воздействия и повышением интенсивности (при превышении меры воздействия для давления). При этом источником деструктивности самого фейка как вида речевого воздействия может являться любой из компонентов его речевой модели:

Предупреждение!!!

Если кто-то приходит к вам и говорит, что мы из Медицинской школы хотим проверить ваш сахар в крови бесплатно, не сдавайте тест. Немедленно позвоните в полицию

или по телефону 02 +7(86146)2-10-72, +7(86146)2-20-08: Это-террористы I.S.I.S, им приходится вводить вирус в кровь. поделитесь этой информацией с друзьями и семьей.

Спасибо! Полиция (Террористы отравили россиян с помощью анализа крови)

В данном случае трехчастная структура логоса (тезис («...не сдавайте тест»), аргумент («Это-террористы I.S.I.S, им приходится вводить вирус в кровь») и вывод («поделитесь этой информацией...», «Немедленно позвоните в полицию»)) сопровождается элиминацией значимых для восприятия деталей, необходимых для верификации информации, что ведет к нарушению постулатов количества и качества. В то же время нарушение логики повествования свидетельствует о несоблюдении постулата способа. Привлечение медицинских терминов *сахар, кровь, вирус* и отсылка к институтам власти (полиции) или «знания» (медицинской школе) повышает доверие потенциальной аудитории, тогда как коммуникатор создает образ лица, имеющего отношение как к органам власти, так и к медицинским учреждениям, что придает ему некоторую статусность и видимую «надежность». Подобным образом происходит трансформация этоса, при которой в якобы корректную коммуникацию вводится манипулятивный компонент, а ее ведущей функцией становится суггестия. Пафос высказывания реализуется посредством императивных конструкций «не сдавайте тест», «немедленно позвоните...», «поделитесь этой информацией...», представленных как необходимая реакция на действия, выставленные коммуникатором незаконными, – сдача крови якобы «террористам I.S.I.S». Подобная трактовка имеет целью посеять панику среди потенциальной аудитории через апелляцию к страху и тревоге посредством обращения к социально значимой теме – здравоохранению.

Кроме того, представленные в настоящем примере нарушения правил коммуникации проявляются в импликации угрозы, которая вызывает у читателей дискомфорт и панику, в то время как призывы к осторожности и внимательности лишь нагнетают негативные эмоции. Нарушение принципа вежливости и постулата качества, в свою очередь, интенсифицирует манипулятивный компонент текста. Данное сообщение следует расценивать как некорректное, что подкрепляется репрезентацией скрытой речевой агрессии путем выражения критики деятельности «представителей Медицинской школы», а также вторжением в коммуникативную сферу собеседника и его частную жизнь (Ляшенко, Меликян, 2021, 67).

Основным критерием для дифференциации манипуляции и фейка служит специфика структуры когнитивной модели: манипуляция реализует модель усложненного логоса (двухступенчатую когнитивную модель: наведение когнитивного диссонанса и его снятие), фейк – простую одноступенчатую модель логоса. В то же время именно нарушение логоса, в частности законов формальной логики (тождества, противоречия, достаточного основания) и причинно-следственных связей, становится ярким показателем «подделки». Несоблюдение закона исключенного третьего для недостоверных новостей не является релевантным, что связано с требованием к их маскировке для продолжения реализации воздействия. В ином случае фейк дезавуирует сам себя, а раскрытие факта подлога может повлечь применение к автору сфабрикованного медиатекста правовых санкций. Подобный подход к трактовке источников деструктивности и конфликтогенности фейка применяется в языкознании впервые, что позволяет получить целостную картину структуры анализируемого явления и установить его лингвистическую специфику.

Рассмотрим пример нарушения закона тождества:

В России отключают телевидение.

Администрация сообщила информацию, от которой у старшего поколения, привыкшего каждый вечер просматривать новости и смотреть сериалы, защемило сердце.

«С 10 марта по 24 февраля телевизионные программы будут недоступны». Как сообщилось позже, будут проводиться технические проверки и работы, которые, как предполагается, улучшат качество связи и картинки. Жители Ярославской области были жутко возмущены и разделились на два фронта.

«Люди хоть за книжки возьмутся», «Если ТВ отрубиться вообще навсегда, то баранов среди людей станет меньше». А другие же сказали, что необходимо отключить не

телевизоры а интернет, тогда и разврата будет меньше, и ум крепче. Что думаете вы? (В России отключат телевидение)

Данная новость имеет кликбейтный заголовок, привлекающий внимание аудитории. Нарушение закона тождества здесь выражается в искажении факта действительности и подмене понятий в заголовке и теле статьи. В начале сообщения говорится об отключении телевидения, т.е. полном отсутствии предоставляемых услуг, при этом длительный срок вызывает у реципиента негативную реакцию. В середине статьи автор заменяет описание события, указывая на необходимость проведения временных технических работ в регионе, что подразумевает явно меньшую длительность. Предполагается, что читатель в состоянии психологического возбуждения не обратит внимания на подобную неточность и продолжит интерпретировать текст в первоначальном, более эмоциональном ключе. Таким образом, подмена смысла при сохранении формы высказывания приводит к искажению фактов объективной действительности.

Вторая новость, представленная в креолизованном формате, иллюстрирует нарушение закона противоречия:

Рис. 1. Фотофейк «Фото Олланда с баскетболисткой взорвало Интернет»

Внимание читателя привлекает разница в росте президента и спортсменки, пропорции которых были искажены с целью дискредитировать Франсуа Олланда, преуменьшить его личность и политический статус. В этом случае нарушение закона противоречия строится на подмене реальных параметров президента Франции и двух его несовместимых характеристик – визуально маленького тела и оценки характера, что ведет к возникновению когнитивного диссонанса и логической ошибке. Примечательно, что в большей части источников было опубликовано оригинальное фото, где разница в росте актеров соответствует заявленным двадцати сантиметрам. Обработка изображения в Photoshop привела к дезинформированию адресата.

Таким образом, нарушение законов формальной логики позволяет адресанту незаметно подменять фрагменты реальной действительности или полностью трансформировать ее через блокировку критического мышления. В случае с фейковыми новостями все это свидетельствует о слабости позиции оппонента и его несостоятельности при реализации имплицитного воздействия вместо открытой коммуникативной конфронтации.

Помимо трансформации компонентов речевой модели воздействия, успешной реализации замысла создателя дезинформации служат конфронтационные коммуникативные стратегии и набор средств их реализации – тактики, наиболее продуктивными из которых являются анализ-минус, очернение, обвинение, презентация, побуждение, кооперация и отвод критики. Следует отметить, что специфика данного вида речевого воздействия заключается в наличии у него двух стратегий одновременно. Отрытая, но ложная – информирование – позволяет фейку мимикрировать под типичный достоверный медиатекст, тогда как скрытая, но истинная стратегия всегда носит некооперативный характер и предполагает наличие

потенциальной существенной угрозы для предмета и адресата фейка. При этом наиболее частотными выступают стратегии дискредитации, самопрезентации и призыва. Меньшим удельным весом в этом отношении характеризуется стратегия угрозы, что связано с необходимостью соблюдения норм журналистской этики и, как следствие, невозможностью репрезентации прямой вербальной агрессии в недостоверных сообщениях.

Так, примером реализации угрозы является распространившаяся в мессенджере Telegram летом 2024 года новость об аварии на Ростовской АЭС. Намеренно конструируя образ масштабной смертельной опасности, возникшей в результате выброса радиоактивных изотопов, якобы произошедшего на РоАЭС, коммуникатор указывает на сокрытие сведений об инциденте официальными источниками информации (*россказни Росатома*), тогда как привлечение терминов, связанных с ядерной промышленностью и физикой, создает впечатление экспертности говорящего, приобретающего статус достоверного источника данных. Интенсификация воздействия в комплексе с дискредитацией органов власти подкрепляется аналогией с аварией на ЧАЭС в 1986 году, которая имплицитно вводится в качестве пресуппозитивного фона, заставляя читателей актуализировать знания о последствиях того происшествия и соотносить их с описываемой в новости ситуацией. В этой связи последняя реплика коммуникатора *Здоровья светящимся* лишь подкрепляет негативный образ, нагнетает отрицательные эмоции реципиента и создает ощущение приближающейся смертельной опасности, что способствует успешной реализации конфронтационной стратегии угрозы и возникновению паники среди населения.

Сравнительно-сопоставительный анализ достоверных новостей и медиатекстов, не соответствующих объективной реальности, показал, что семантическая неполнота сведений при данном типе речевого воздействия часто сопровождается интенсификацией предмета речи. Было установлено, что специфическим лингвистическим маркером недостоверных материалов являются категории неопределенности и интенсивности, которые способствуют реализации деструктивного потенциала фейка только при условии их совместной имплементации. В этой связи можно утверждать, что именно синергетический эффект указанных категорий определяет «фейковость» новости. Обнаруженные в рамках настоящего исследования средства репрезентации семантики «неопределенности» и «интенсивности» были разделены на две группы: собственные средства фейка и средства маскировки, которые указанный вид речевого воздействия заимствует у типичных достоверных текстов медиадискурса. Именно это позволяет успешно производить маскировку дезинформации.

Таблица 1. Средства репрезентации категорий неопределенности и интенсивности

Категория неопределенности		Категория интенсивности	
Собственные средства	Средства маскировки	Собственные средства	Средства маскировки
1.Неполнознаменательные слова 2.Вводно-модальные слова со значением «неуверенности» 3.Сочетания <i>как бы</i> и <i>якобы</i> 4.Имена прилагательные <i>известный, определенный, неопределенный</i> и их производные 5.Неопределенные и определительные местоимения 6.Лексема <i>один</i>	1.Лексемы со значением «класса объектов действительности как единого целого» (<i>человек, народ, люди, существо</i> и т.д.) 2.Индивидуальные имена собственные, в семантике которых заложено значение «индивидуализирующей определенности» 3.Отрицательные местоимения 4.Видовая оппозиция глаголов (совершенный вид – рема, несовершенный – тема),	1.Апеллятивные имена прилагательные-интенсификаторы 2.Наречия-интенсификаторы 3.Префиксы глаголов <i>вы-, за-, из-, на-, от-, раз-, не-</i> , а также глагольные форманты, включающие указанные префиксы и постфикс <i>-ся</i> 4.Словообразовательные суффиксы <i>-ищ-, -еньк-, -оньк-, -юшк-, -ущ-, -ат-, -ин-</i>	1.Деинтенсификаторы 2.Отрицательные местоимения 3.Морфологическая категория вида глагола 4.Префиксы-интенсификаторы <i>пре-, сверх-, архи-, ультра-, супер-</i>

<p>7. Частицы <i>вроде, ли и вот</i></p> <p>8. Тема-рематическая организация высказывания</p> <p>9. Инвертированный порядок слов</p> <p>10. Вопросительные конструкции</p>	<p>5. Наречия со значением «неопределенности» (<i>примерно, около, иногда, немного, едва, почти</i> и др.).</p> <p>6. Некоторые разряды количественно-определятельных имен прилагательных (<i>данный, упомянутый, настоящий, отдельный</i> и др.)</p> <p>7. Неопределенно-личные и безличные предложения</p>	<p>5. Формы суперлатива и элатива</p> <p>6. Побудительно-восклицательные и вопросительно-восклицательные конструкции</p>	
--	--	--	--

Так, в представленной новости особенно ярко прослеживается кумулятивный эффект категорий неопределенности и интенсивности:

Педагоги украинской школы №-106 в Запорожье на Украине превзошли всю имеющуюся на сегодняшний день украинскую патриотическую истерику. На уроках в начальных классах учителя призвали детей спасать зимой от голода синиц и уничтожать снегирей.

Синица, имея жёлто-голубую раскраску символизирует собой Украину, а красногрудый снегирь олицетворяет имперское, красное зло по имени СССР и его правопреемника Россию. Каждый снегирь у кормушки, сделанной руками украинского ребёнка отбирает у синички (Украины) еду.

И по этой причине снегирей желателно не кормить. И если прогнать или например, застрелить снегиря из пневматического оружия, это будет особо символичным жестом в борьбе за победу всего Украинского. Сообщает источник из популярного запорожского чата.

Многие родители в шоке от инициативы детей, которую они принесли с урока природоведения. Причем, пока ни кому не понятно, что делать с другими птицами, не имеющих политической раскраски. Например с воробьями или воронами? (На Украине педагоги учат убивать снегирей)

В настоящем медиатексте фейковый характер материала детерминирует необходимость маскировки источников информации и участников: действия приписываются абстрактным педагогам, учителям, многим родителям, а сведения якобы поступают от безымянного источника из чата, что типично для недостоверных новостей. Одновременно эта неопределенность маскируется благодаря высокой интенсивности подачи данных: используются резкие оценки (*истерика, имперское зло, в шоке*), символические противопоставления и глаголы насилия, которые эмоционально шокируют читателя. За счет этого фокус смещается с проверки фактов на переживание возмущения и страха. Таким образом, недостаток доказуемости компенсируется экспрессивностью, что является характерным приёмом фейкового медиадискурса.

В третьей главе «**Методология корпусного и юрислингвистического исследования фейка**» примененный лингвистический подход верифицируется через корпусный и юрислингвистический подходы: подробно описываются авторские корпуса недостоверных и достоверных новостей, а также методология их составления; подтверждается степень валидности результатов оценки частотности средств репрезентации категорий неопределенности и интенсивности на основе сопоставления с газетным подкорпусом Национального корпуса русского языка (НКРЯ); производится корпусный анализ фейковых новостей; разрабатывается оригинальная система вопросов эксперту-лингвисту по соответствующей категории дел.

источника информации снимает ответственность за распространение недостоверных сообщений. При этом типичное для фейков указание на год описываемых событий вместо конкретного дня или месяца позволяет отвлечь внимание реципиента, ослабив его критическое мышление за счет ухода от репрезентации точных сведений и введения неопределенности.

Во-вторых, наличие в подобных текстах частиц *якобы* и *вроде* прямо указывает на отсутствие уверенности говорящего / пишущего в том, что представленные факты коррелируют с объективной реальностью. Таким образом адресант на вербальном уровне произвольно дезавуирует обман, несмотря на сознательную попытку маскировки факта дезинформации посредством заимствования типичных черт публицистического стиля: указания на источник сообщения, повествования от 3-го лица, мнимой «объективности» изложения сведений и т.д.

В-третьих, часто недостаточность аргументации маскируется введением в текст ссылок на экспертов и очевидцев, установление личности которых весьма затруднено. Низкая представленность отрицательных конструкций в фейках позволяет коммуникатору добиться расположения читателя и повышения его доверия, тогда как намеренная поляризация высказывания при реализации когнитивной схемы «свой – чужой» в комплексе с эмоционально-оценочным компонентом имеет целью трансформацию картины мира реципиента и продуцирование значимого перлокутивного эффекта фейка.

Выявленный в рамках корпусного и лингвистического анализа шаблон воздействия «*когнитивная схема + эмоциональный триггер + кумулятивное средство для наращивания фактов*» позволяет наиболее точно зафиксировать специфику нарушений компонентов речевой модели воздействия – логоса, этоса и пафоса, сочетание которых служит реализации конфронтационной интенции коммуникатора.

Для верификации лингвистической интерпретации фейковых материалов в юрислингвистическом аспекте была предпринята попытка разработки методики лингвистической экспертизы с учетом лингвистических и экстралингвистических признаков маскировки информации. Соотнесение в рамках настоящего исследования юридических признаков фейка с их лингвистическими коррелятами не только обеспечило успешность первичной юридикции недостоверных медиатекстов, но и позволило повысить качество проведения лингвистической экспертизы по соответствующей категории дел.

В Заключении обобщаются полученные результаты и подводятся итоги настоящего исследования, определяются направления дальнейших научных изысканий. Предложенная в работе методология юрислингвистического исследования фейка может служить основой для создания автоматизированных моделей идентификации фейковых материалов, а также методик противодействия их распространению. Дальнейшее теоретическое осмысление данного вида речевого воздействия может включать изучение речевых приемов, релевантных при репрезентации дезинформации, и технологии дипфейка как мультимодального, социокультурного и лингвистического феномена.

**Основные положения и результаты диссертационного исследования
отражены в следующих публикациях автора:**

**Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях,
рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ**

1. Ляшенко, Д. И. Категории определенности-неопределенности и интенсивности в фейковых новостях: лингвопрагматический и функциональный аспекты / Д. И. Ляшенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18, № 12. – С. 5120-5127. – DOI 10.30853/phil20250693. (K1)
2. Ляшенко, Д. И. Разработка цифровой модели идентификации фейковых новостей: анализ лингвистических маркеров и контекстуальных особенностей / Д. И. Ляшенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 11. – С. 4168-4176. – DOI 10.30853/phil20240587. (K1)
3. Ляшенко, Д. И. Юридические факторы как основа модели лингвистического исследования фейка / Д. И. Ляшенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 8. – С. 2744-2751. – DOI 10.30853/phil20240391. (K1)
4. Ляшенко, Д. И. Когнитивная интерпретация феномена "фейк" как жанра медиадискурса / Д. И. Ляшенко, В. Ю. Меликян // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022. – № 3. – С. 131-141. – DOI 10.29025/2079-6021-2022-3-131-141. (K2)
5. Ляшенко, Д. И. Феномен "фейк" в системе видов речевого воздействия / Д. И. Ляшенко, В. Ю. Меликян // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 3. – С. 63-74. – DOI 10.29025/2079-6021-2021-3-63-74. (K2)
6. Яковенко, Т. И. К вопросу об объективации фейковой информации в политическом медиадискурсе / Т. И. Яковенко, Д. И. Ляшенко // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9, № 3(32). – С. 268-272. – DOI 10.26140/bgz3-2020-0903-0066. (K2)

Публикации в сборниках материалов научных конференций

7. Ляшенко, Д. И. «Фейковые новости»: лингвистические приемы воздействия / Д. И. Ляшенко // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки : электронный сборник статей по материалам XLIV студенческой международной заочной научно-практической конференции. № 4 (43), Апрель 2017 г. – Москва: МЦНО, 2017. – С. 193-199. – URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/4\(43\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/4(43).pdf) (дата обращения 19.04.2026)
8. Ляшенко, Д. И. К вопросу о лингвистическом статусе феномена "фейк" / Д. И. Ляшенко // Социально-гуманитарные тенденции: история и современность : материалы Международной научно-практической конференции 15 мая 2018 года / Научно-исследовательский центр «Антровита» ; ответственный редактор: Камалиева Ирина Ринатовна, кандидат философских наук. – Москва ; Западный : Антровита, 2018. – С. 81-93
9. Ляшенко, Д. И. К вопросу о классификации фейков / Д. И. Ляшенко // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, [Ростов-на-Дону, 15 ноября 2018 года]. Вып. 8 / Южный федеральный университет Ассоциация лингвистов-экспертов Юга России ; ответственный редактор: В. Ю. Меликян. – Ростов-на-Дону: Донское книжное издательство, 2018. – С. 136-141.
10. Ляшенко, Д. И. Коммуникативные стратегии и тактики в фейковых новостях / Д. И. Ляшенко // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы IX-й Всероссийской научно-практической конференции, [Ростов-на-Дону, 15 ноября 2019 года]. Вып. 9 / Южный федеральный университет Ассоциация лингвистов-экспертов Юга России ; ответственный редактор: В. Ю. Меликян. – Ростов-на-Дону: Донское книжное издательство, 2019. – С. 113-121.
11. Ляшенко, Д. И. Фейк и манипуляция как виды речевого воздействия / Д. И. Ляшенко // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы X-ой Всероссийской

научно-практической конференции, [Ростов-на-Дону, 16 ноября 2020 года] . Вып. 10 / Южный федеральный университет, Ассоциация лингвистов-экспертов Юга России ; ответственный редактор: В. Ю. Меликян. – Ростов-на-Дону: Донское книжное издательство, 2020. – С. 160-166.

12. Ляшенко, Д. И. Феномен "фейк" в юрислингвистическом аспекте / Д. И. Ляшенко // *Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа* : сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа» (Москва, 5–6 октября 2021 г.). – Москва: Государственный институт русского языка, 2022. – С. 318-324.

13. Ляшенко, Д. И. От фейка к сваттингу: исследование деструктивных практик в современной сетевой среде / Д. И. Ляшенко // *МЕДИА-2024: теория и практика* : материалы IV Международной научно-практической конференции, г. Москва, 1 марта 2024 г. / Министерство просвещения Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет», Институт журналистики, коммуникаций и медиаобразования, Кафедра журналистики и медиакоммуникаций им. В. А. Славиной ; под общей редакцией Т. Н. Владимировой, Н. В. Кодола, Е. С. Зубаркиной. – Москва: МПГУ, 2024. – С. 160-164.

14. Ляшенко, Д. И. Феномен "фейк": понятие и история изучения в русскоязычном и англоязычном дискурсах / Д. И. Ляшенко // *Актуальные вопросы языкознания в контексте межкультурного взаимодействия* : сборник научных статей / Министерство просвещения Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева» ; ответственные редакторы: канд. филол. наук, доцент Н. В. Кормилина, канд. филол. наук, доцент Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2024. – С. 49-55.

15. Ляшенко, Д. И. Фейковые новости как инструмент политического влияния / Д. И. Ляшенко // *Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов* : сборник материалов IV международной научно-практической конференции / Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Дипломатическая академия МИД России, Кафедра английского языка международной профессиональной деятельности факультета международных отношений БГУ (Минск) ; редакционная коллегия: Коптелова И. Е., Паневкина Е. И., Раренко М. Б.. – Москва: РИТМ, 2024. – С. 195-200.

16. Ляшенко, Д. И. Смысловой сдвиг в концепции «правды»: роль фейковых новостей в формировании общества постправды / Д. И. Ляшенко // *Новые тренды журналистики и массовых коммуникаций – 2025* : сборник научных трудов IV Международной научно-практической конференции, Москва, 18 апреля 2025 г. / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет», Институт журналистики и медиаиндустрий Факультет журналистики ; ответственный редактор Д. В. Неренц. – Москва: РГГУ, 2025. – С. 232-235.

17. Ляшенко, Д. И. Феномен "фейк" как проявление языковой агрессии и деструктивной коммуникации в русскоязычном медиадискурсе / Д. И. Ляшенко // *Основные тенденции и перспективы развития современной иноязычной филологии и переводоведения* : сборник научных статей / Министерство просвещения Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева» ; ответственные редакторы: канд. филол. наук, доцент Н. В. Кормилина, канд. филол. наук, доцент Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2025. – С. 24-29.

Публикации в журналах, индексируемых в РИНЦ

18. Ляшенко, Д. И. Способы репрезентации фейковой информации в социальной сфере американского медиадискурса / Д. И. Ляшенко // Филологический аспект. – 2020. – № 5(61). – С. 123-133.

19. Ляшенко, Д. И. Коммуникативные стратегии и тактики: понятие и виды / Д. И. Ляшенко // Филологический аспект. – 2019. – № 4(48). – С. 134-139.